

Город как город

Урбанонологические заметки в иллюстрациях мировой поэзии

Татьяна СТУДЕНКО,
кандидат филологических
наук, доцент

В последние годы заметен повышенный интерес современных авторов к теме города. Импульс здесь тот же, что и в западной, и в русской литературах начала XX века – бешеный темп нарастания урбанизации. Но всегда ли авторы, затрагивающие тему города, осознают его сущность? Проследивая генезис современного мегаполиса в своем философском произведении «Закат Европы», О. Шпенглер видит его как последний приют отчужденной и обреченной «городской души». Может, пришло время взглянуться в свои «городские души» и спросить себя, какова вероятность шпенглеровской апокалиптики, предсказывающей гибель мегаполиса в течение нескольких столетий со времени его становления. Ведь хотим мы или нет, и наша столица тоже стала мегаполисом.

Наиболее очевидное, что обращает на себя внимание в городской поэзии начала XX века, – переживание двойственной сути города, смешанных чувств восхищения и возмущения, восторга и горечи: Ш. Бодлер, Э. Верхарн, Г. Аполлинер, к ним близки В. Брюсов и М. Богданович. У большинства русских поэтов (А. Блока, А. Белого, А. Ахматовой, О. Мандельштама) на первом плане – эсхатологическая тревога, питаемая урбанистической средой как наиболее жестокой и жесткой, прежде всего заслуживающей вмешательства и возмездия свыше. Реакцией на дискомфортные стороны жизни города к концу первой трети XX столетия станут настроения эскепизма, антиурбанистического радикализма, псевдоэкологизма – одним словом, возврата к природе. В Германии эти тенденции сказались осо-

бенно явно, отразившись в областническом искусстве («Хайматкюнсте») и его тезисах, вскоре обретших статус политических лозунгов: «жизненное пространство», «кровь и почва», «малая родина» (неосвоенный край) и т. д. Поэтому первое, что хотелось бы понять, насколько корректно – логически и онтологически – противопоставление города/не-города, раз уж на пределе оно влечет такие далеко идущие последствия. Возможно, однако, что это как раз то русло, которое приведет нас к ответу на философский вопрос: «Что есть Город?»

Дихотомия «природа-город»

Тенденция негативного противопоставления города и «равнины», города и земли, города и не-города всегда сопутствовала художественной урбанистике. Осмысливая поэзию А. Блока, его современник пишет о вековечном споре «чудовищ городов» и «земли-праматери» – споре, которому «нет примирения». Здесь налицо собственное отношение критика к проблеме, но и в бинаризме А. Блока тоже сомневаться не приходится: город есть жуть («скоро он задушит нас всех»), вне города – благо. В том же ключе высказывался Э. Верхарн, один из отцов мировой урбанистической лирики:

*... Там башни у пределов пашни;
Там крылья крыш над чернотой ниш...*

ОБ АВТОРЕ

СТУДЕНКО Татьяна Святославовна.

Родилась в Минске. В 1990 году окончила Минский технологический техникум, в 1996 году – Белорусский государственный педагогический университет, в 2000 году – аспирантуру этого вуза.

С 2002 года работает на кафедре зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики (сейчас – Институт журналистики) Белорусского государственного университета.

Кандидат филологических наук (2002), доцент (2008).

Автор двух монографий, более чем 20 статей по проблемам методологии литературоведения, американской, французской, белорусской литератур.

Сфера научных интересов: теория литературы, литературные взаимосвязи.

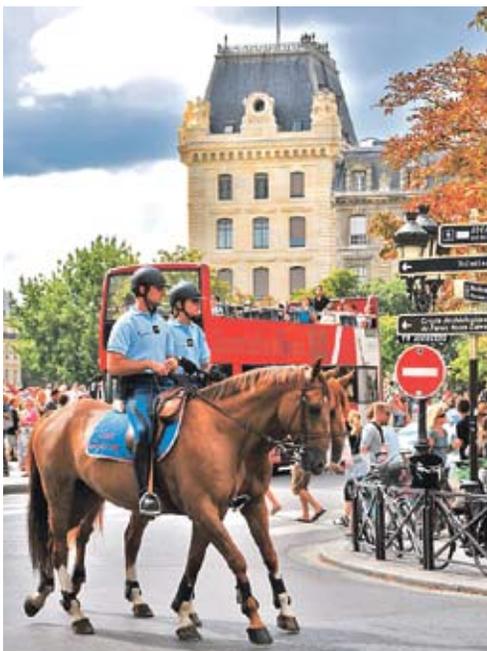
То – город-спрут

Лег

У дорог лавиной над равниной...

*(«Город», цикл «Галлюцинирующие селения»,
пер. Г. Шенгели)*

Безусловное противостояние города и остального пространства – тот самый критический фактор, который, согласно О. Шпенглеру, определяет сущность и состояние «городской души»: с ее появлением некая топологическая «точка» (деревня, местечко) «превращается в место, из которого человек переживает страну как «окружение», как нечто иное и подчиненное» [1, с. 111]. Между тем некоторые городские по происхождению поэты демонстрируют противоположное отношение, как, например, В. Брюсов. Даже тот факт, что городская среда объективно способна притуплять природное чувство, он констатирует без надрыва и фатализма: «Все реже я и все бесстрашней / Смотрю на прелести земли... <...> Люблю я сумрачные краски, / Громады стен в лучах луны...» («Прелести земли», 1901). Непроизвольное восприятие единства мироздания зафиксировала и тонкая поэтическая зарисовка «Зимние дымы» (1900): город – он вроде бы «бездушный», но где, как не в нем, душа пробуждается в отношении самого что ни есть прозаического – некоего никчемного дыма

из заводских труб? Сопереживающее внимание к «дымам» в каком-то смысле близко сочувствию М. Богдановича к «плачу» телеграфного столба (цикл «Места»). У А. Блока, напротив, «В высь изверженные дымы / Застылали свет зари...» («В высь изверженные дымы», 1904) – едва ли оппозиция города и мира может быть прописана лучше. Брюсов, Блок, Богданович – все трое «городские души»; напрашивается мысль, что суть города гораздо глубже, чем полагал провидец О. Шпенглер.

Лирика О. Манделъштама запечатлела город как противовес природному хаосу, противоположность небытию, пустоте (книга стихов «Камень», 1913–1916). Здесь тоже сказалось субъективное начало: притупляющая поэту (особенно в юности) тревога, страх перед непредсказуемостью бытия. Город как воплощение осмысленности и порядка – при всех его жестких качествах – в таком случае не что иное, как необходимая защита. При этом у О. Манделъштама («городской души») нет оппозиции «природа-хаос/город-порядок», налицо органичность дихотомии, как, например, в стихах, посвященных Вечному городу (1914):

Природа – тот же Рим и отразилась

в нем.

*Мы видим образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе, как в цирке*

голубом,

На форуме полей и в колоннаде рощи.

◀ Туристический Париж

▼ Ночной Чикаго

В посвященном Петербургу стихотворении «Адмиралтейство» (1913) дихотомия «природа-город» варьирована в теме «город – окно в мир»: «...Разорваны трех измерений узы / И открываются всемирные моря».

Любопытно, как та же тема озвучена в американской урбанистической лирике, в частности, у Карла Сэндберга в книге стихов «Чикаго» (1916): переживание единства города и мироздания – один из наиболее захватывающих ее мотивов. Своеобразие единства напрямую обусловлено уникальностью американского города, рождавшегося сразу как центр и центром фактически слитым с внегородской средой:

*...Вдоль обшарпанных стен пролегал мой
путь.*

*Внезапно, на самой окраине, –
Озера синий взрыв.
Солнце дробилось в изломах волн,
Пенной каймой оторочивших берег.
Чайки мчались трепещущим шквалом...
Плыли свободно в небесных просторах.
(«Гавань», пер. А. Ибрагимова)*

В том же ключе – о небоскребе, классическом атрибуте американского мегаполиса: после ряда обыденнейших деталей жизни офисного муравейника – совершенно неожиданный финал (речь о конце рабочего дня):

*...Молодой охранник встал у окна
и видит*

*сигналы судов, пробирающихся сквозь
гавань, сеть красных и белых огней у
вокзалов, квадраты тьмы в пунктире
белых
линий, пятна сечений и гроздьях спящего
города.
Ночью небоскреб маячит в дыму, под
звездами,
Одушевлен.
(«Небоскреб», пер. М. Зинкевича)*

Слитые «офис» и «космос» – наиболее, пожалуй, неординарное воплощение единства мироздания. Заметим, и оно принадлежит городскому по происхождению поэту.

Наверное, то, что дает ощущение такого единства, меньше всего нужно комментировать в белорусском культурном контексте: вся отечественная классика стоит на ощущении «адзінства чалавека і наваколя» – мотив, настолько для нее безусловный, что она никогда не считала необходимым его заострять. В цикле «Места» М. Богдановича, как и у К. Сэндберга, не встретим ни противопоставления, ни примирения города и «равнины»; о том, что город – часть Вселенной, напомним воздух, ветер, звезды, «нябёс пазалота» или просто сюжетная зарисовка:

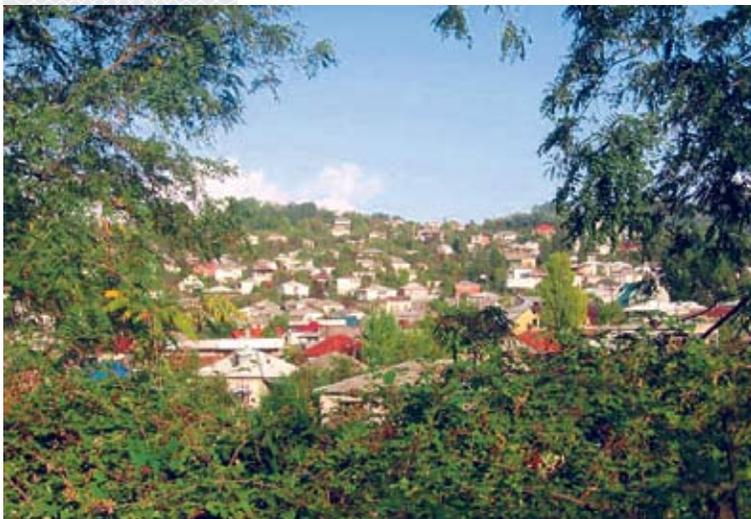
*Сеў хлопчык з шклянчаккай ля вулічнага
ганку
І выдувае з мыла пузыры,
Вясёлкаю гараць яны ў зіянні ранку,
Ўзлятаючы ў паветра да гары.*

Урбанистическая онтология

У М. Хайдеггера (1889–1976), немецкого мыслителя, чье творческое становление тоже пришлось на эпоху ускоренной урбанизации, обнаружим рассуждения, способные поколебать самое закоренелое антиурбанистическое сознание: мысль о «споре земли и мира» как о «разрыве-единстве противоположенных сил». Здесь мы откроем для себя и новые грани городской темы, и менее категоричные характеристики «городской души».

Земля, по Хайдеггеру, – плоть мира, человеческая плоть в том числе, первоэлемент, первоначальная, все в себе собирающая и хранящая стихия, стихия стихий, исходное пассивное начало. Мир – все подвижное и

▼ Сухуми, частный сектор

одухотворенное (природа, социум, человеческая деятельность и т.п.) – противостоит земле в своей захватывающей, взрывающей активности. Как все противоположности, мир и земля, взрывающее и оберегающее, нуждаются друг в друге, чтобы быть. В ответ на потенцирующую «агрессию» мира, пишет Хайдеггер, земля «вздымается» протестуя, защищая свою потаенность. Сопротивление земли имеет место как ее утяжеляющее обустройство: неуспокоенность номадических племен, порывы духа метафизического субъекта умеряются бытовым ладом, повседневной упорядоченностью и размеренностью. Так земля «удерживает» сущее, земля «бережет».

Утяжеляющее самозатворение земли Хайдеггер несколько неожиданно, но по сути оправданно именует «полем разверзости»: ведь, несмотря на «за-творение», в нем – из ничто – нечто начинает быть, принимая форму, устойчивый облик Творения. Здесь выявлена суть художественного творчества, но ход рассуждений актуален на всевозможных уровнях, не только на эстетическом, но и на бытовом, коммуникативном, психологическом, историческом и, конечно, урбанистическом. В «поле разверзости» спорящих противоположных сил «врезающим росчерком» явлены и произведения искусства, и обустроенный уклад земледельца, и целые города – в «гнетущей тяжести камня, неотступной упорности дерева, темном жаре красок» («Исток художественного творения») [2, с. 94–95].

Несмотря на то, что Творение восстанавливается-возникает на земле, оно принадлежит не только ей, но и миру тоже. Именно поэтому произведения и вообще всякая «вещь» трактуются Хайдеггером как материально-духовное единство. В качестве такого же единства предстает и Город, где «духовное» – не только сакральные реликвии, исторические мемориалы и т.д., но и, в первую очередь, энергичная мощь мира, пробудившая к жизни дремлющие потенции земли.

Можем ли предположить, что это она, уникальная энергия каждого конкретного будоражащего воздействия, вкупе с особенностями «затворяющегося» ландшафта, создает то неуловимое, что шестым чувством фиксируется нами как неповторимый характер, атмосфера того или иного города? Можем ли предположить, что тот или иной

▲ Вид на Рим со стороны садов Боргезе. 1837 год

характер города объективно отвечает или не отвечает нашему характеру и именно в этом смысле существуют города любимые и нелюбимые? Не будет ли справедливо определить «городскую душу» как отраженное соответствие неоднозначной сути города, его слитых первоначал: хранящей покой Земли и волнующего ее Мира? Видимо, это и есть основные вопросы урбанографии.

Распространенный мотив поэзии начала XX века – фланирование персонажа по городу – уже способен навести на мысль об известном тождестве города и бытия. В самом деле: в городе, в толпе мы на виду и в то же время относительно автономны, независимы – как в повседневной нашей жизни. Наиболее близкий сердцу поэта-модерниста тезис: бесцельное фланирование по городу есть метафора жизни как таковой, ибо жизнь наша – не что иное, как полубессознательное движение в сопровождении лишь косвенно относящихся к нам реалий.

Расхожее выражение – «город контрастов» – напомним нам о городе как о единстве противоположностей, сосуществовании в нем «крайностей». Город тогда – воплощение связи вещей. Показать глубинный онтологический смысл этого тезиса поможет белорусское устарелое слово «места» в значении «город». Относительно места как такового М. Хайдеггер писал: «Первоначально слово «место» (Ort) означало «острие копья» (die Spitze des Speers). В него все стекается. Место собирает вокруг

себя все внешнее... Будучи собирающим (das Versammelnde), оно пронизывает собой все и всему придает значимость. Место как собирающее втягивает в себя, сохраняя втянутое, но не как в замкнутой капсуле, но так, что все собранное им проявляется и просвещается и посредством этого впервые высвобождается к сущности» [3, с. 248]. Высвобождается к сущности – значит, начинает быть.

Свой город

Мощнейшая онтологическая опора – любимый город. Еще более надежная – любимый город, характер которого нам открыт, нами осмыслен. Что формирует характер города – Москвы, Петербурга, Минска, Осло и др.? Есть множество общих объективных факторов. Вкратце перечислим их, попытаюсь понять: как связаны характер и лицо, облик города? характер, душа города определяют его лицо или наоборот, и в какой мере? какой фактор стал или может стать решающим для формирования характера конкретного города и его будущего?

Город у своих истоков повторяет ландшафт и, как бы впоследствии ни пытался от него эмансипироваться, черты его хотя бы в остаточном виде будут просматриваться вплоть до провидимого О. Шпенглером «заката» города «абсолютного» и «последнего». Рельеф, присутствие воды (залива, реки и т.д.), соотношение воды и тверди, климат и особенности городской перспективы – все это физические факторы своеобразия города. Свою роль играет и освещенность, угол падения солнечных лучей. С этой точки зрения встречаются города более «объемные» и более «плоские», «притененные» и мощно залитые солнцем.

К градостроительным факторам можно отнести: органичность связи центра и периферии, города и пригорода, пригорода и «равнины»; плотность застройки (соотношение застроенной и парковой зоны, наличие/отсутствие неокультуренного пространства, объем и свойства растительности); особенности трафика (характер и вариативность магистралей, наличие и удельный вес пешеходной части); большую или меньшую искусственность устройства зеленой зоны. Многие из этих факторов влияют, как принято говорить, на комфортность жизни в городе. Оригинальность

архитектурных линий, во многом обусловленная возможностью создания многоуровневых ансамблей, – важнейшая градостроительная составляющая, тесно связанная с рельефно-ландшафтными особенностями. Безусловная роль принадлежит городским символам – тем сооружениям, без которых невозможно представить себе тот или иной конкретный город.

Особая тема – объем и значение частного сектора. Согласно О. Шпенглеру, «закат» города предрешен превращением городского человека в живой «дух», оторванный от корней и потому в конце концов бесплодный – во всех смыслах. «До тех пор, пока домашний «очаг» остается действительно значимым центром семьи... можно считать, что последняя связь с сельской местностью еще не порвана. Лишь когда она теряется и масса жильцов и постояльцев мечется от одного пристанища к другому в этом море домов, как охотники и пастухи древнего мира, можно считать, что полностью сформировался интеллектуальный кочевник» [1, с. 123]. Переводя мысль на язык современных реалий, можно резюмировать, что урбанистический кризис начинается тогда, когда многоквартирный фонд «подминает» по себя частный сектор; когда коммунальное жилье (неважно, арендованное у собственника, приватизированное или продукт долевого строительства) начинает существенно превалировать над индивидуально-семейным бытом в собственном доме; когда жилье легко продать, обменять, расширить, уплотнить, снять, сдать – когда «собственное» (в предельном смысле) отчуждается до предмета сделки.

Тогда город, сохраняющий значительный объем частного сектора (и не как предместья, а «в пределах кольцевой»), может считаться онтологически наиболее устойчивым образованием, ибо, располагая полем «собственного» (аутентичного, подлинного) как основой искомого характера, способен противостоять безликой «кочевой» урбанизации. Характерный город не превращается в замкнутый мир, ведь свой характер может быть явлен и осознан лишь в отношении столь же характерного Иного. Город самодовольный и город гордый – такое символическое различие можно провести между космополитическими городами «кочевнического духа» и городами укорененной души.

Вглядимся в социальные факторы. Они напрямую связаны с численностью, размером и размахом города: административный статус; объем и значение промышленной сферы; преобладающая роль той или иной социальной среды (индустриальной, торговой, деловой, богемной); бóльшая или меньшая степень открытости публичной жизни; пестрота национального состава жителей; наличие и объем туристического потока... Что касается взаимосвязи характера и облика, значимо здесь все, но относительно устойчивости того и другого принципиальным следует считать последний фактор. Позитивный сам по себе, он становится проблемой, когда черты «туристической Мекки» заслоняют, скрадывают локальные черты.

Едва ли не определяющей в плане поиска лица и характера города будет историческая «подложка»: возраст; связь с «большой историей»; драматизм истории местного, регионального масштаба; степень значимости исторической памяти – сохранность исторических зданий, преемственность прежнего и нового облика, наличие исторических мемориалов. Историческое лицо и выказанный в истории характер – то, что проступит и сквозь наслоения «туристической Мекки». Но как туристу не растеряться в натиске-нагромождении характеров и лиц многочисленных городов? Как оказаться на завидном месте поэта: «Язык бульжника мне голубя понятней» (Г. Аполлинер)? Ведь тур (tour) – это именно объезд, круг, виток; иначе говоря, города оптом...

Подобно комбинациям человеческих генов, особое единичное сочетание всех факторов, характеризующих городскую среду, сочетание, обусловленное-предначертанное энергией напористого «мира», противостоящего упорной в себе и в своем «земле», создает уникальный облик конкретного города, встретив который, мы можем сказать себе: «Это мой город». Не с целью ли такой встречи связаны наши путешествия и туры, посещение новых стран и городов, подобно тому как в поисках «своей половинки» человек может намеренно расширять круг знакомств и сферу общения, пристально вглядываясь в облик-характер встреченных людей?..

Что такое «свой» город? Ментальная суть его более или менее аутентична нашему состоянию и настроению – не сиюминут-

▲ Минск. Троицкое предместье

ному, но такому, которое всегда с нами как наиболее прочное наше основание, эмоциональный фундамент нашего «Я». Тогда «свой» город – это модель идентификации, город-дом, место, где обретаем защиту и опору. «Свой» город – это воплощение того необходимого «Другого», рядом с которым мы познаем мир, ибо не соотнесенный, не опосредованный он никогда не найдет доступа к нашему сознанию. Наконец, «свой» город – это город-текст, в историю которого мы вписываем нашу историю: город как форма жизнетворчества.

Будущее мегаполиса

Похоже, что мы ставим больше вопросов, чем получаем ответов. И все же это лучше, чем без боя сдать прогноз Шпенглера, согласно которому всем нынешним мегаполисам, населенным бездушными кочевниками, песочные часы отсчитывают пять столетий со времени надменного отрыва от «равнины». После – обезлюдение, запустение, гибель.

Судя по всему, не обезлюдит характерный город и не обезплодит житель (гость), способный этот характер открыть и хранить – пусть даже про себя. Конечно, характер как реальная субстанция феномена города нагляднее всего проявляется в урбо-психологических портретах, созданных поэтами. Приоритет принадлежит, на наш взгляд, Н. Гумилеву: не потому, что у

него «много городов», а потому, что он в принципе их видит, стремится различать.

*Город, как голос наяды,
В призрачно-светлом былом,
Кружев узорней аркады,
Воды застыли стеклом.*

.....

*Может быть, это лишь шутка,
Скал и воды колдовство,
Марево? Путнику жутко,
Вдруг... никого, ничего?..*

(«Венеция», сб-к «Колчан»)

В портретах Москвы и Петербурга привлекают внимание образы, созданные О. Манделштамом: в них особенно очевиден ментально-психологический подтекст, сплетение черт лица и характера, истории города и ее отголосков. Показательно, что из множества стихов, посвященных поэтом Петербургу, наиболее выразительным, ассоциативно захватывающим оказывается лапидарное четверостишие (1913):

*«Здесь я стою – я не могу иначе»,
Не просветлеет темная гора –
И кражистого Лютера незрячий
Витает дух над куполом Петра.*

И до надрыва характерна ассоциация с «вином», питающим особый – бунтарский – хмель златоглавой столицы-соперницы:

*Соборов восковые лики,
Колоколов дремучий лес,
Как бы разбойник безъязыкий
В стропилах каменных исчез.*

*А в запечатанных соборах,
Где и прохладно и темно,
Как в нежных глиняных амфорах,
Играет русское вино.*

.....

*Архангельский и Воскресенья
Просвечивают как ладонь –*

*Повсюду скрытое горенье,
В кувшинах спрятанный огонь...
(«О, этот воздух смутой пьяный...»)*

Насколько иной предстает другая столица! –

*Мне Тифлис горбатый снится,
Сазандарей стон звенит,
На мосту народ толпится,
Вся ковровая столица,
А внизу Кура шумит.*

Тифлис уютен ландшафтом, климатом, хмелен вином и, главное, люди там открытые. Люди Тифлиса, вообще тех краев, создали характер своих душевно теплых городов или теплые – волей Бога – края и города породили людей душевно теплыми? Безусловны, во всяком случае, две вещи. В городах, подобных Тифлису, не живут «городские души» Шпенглера, иными словами, такие города ничего не заслоняют собой. Такие города – мир, и мир – в них, и они – в мире. И второе: ощутить это, подобно О. Манделштаму, можно только оказавшись в них телом и душой, находясь именно там, а не перед тифлисской, как и перед всякой другой, «картиной».

Видеть город (как и «равнину») не видя – со стороны, отчужденно – и есть путь к «закату». Но ничего особенного и не нужно, чтобы устоять перед прогнозом Шпенглера: только открыть глаза и встать в просвет бесконечных смыслов бесконечного множества городов, потенциально открытых нам, таким же бесконечно разным. Городу и горожанам, взаимоотраженным тождествам, вместе жить, а не погибать.

P.S. Несколько слов о собственном опыте переживания «Города». Начало было положено удивительно богатым «городским текстом» «Рим» Э. Золя (1896). Через какое-то время довелось взглянуть «концептуальным» взглядом на Минск, познакомившись с работами писателя и фотохудожника Артура Клинкова. Что до «своего» города, встретился, в конце концов, и он, сущностно близкая стихия – «нарядный от света край» (К. Паустовский), древняя гостеприимная Акуа, более известная как Сухуми. Ее непростой судьбе и ее будущему посвящаю этот текст. И, конечно, посвящаю Минску. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. / О. Шпенглер. – Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. – Минск: Попурри, 2009. – 704 с.
2. Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер; сост., вступ. статья, примеч., пер. с нем. А.В. Михайлова. – М.: Гнозис, 1993. – 464 с.
3. Подорога, В.А. Выражение и смысл: ландшафтные миры философии / В.А. Подорога. – М.: Ad Marginem, 1995.